

ХОРОШАЯ ЭКОНОМИКА ДЛЯ КИТАЯ

© 2017 г. Э. Фелпс^{1, 2}

Десятилетия усилий, направленные на достижение экономического роста, наряду с финансовым кризисом 2008 г. стали причиной сейсмических изменений экономического мышления в большей части мира. Происходит очевидное перемещение ресурсов из инвестиций в потребление, из тяжелой промышленности — в сектор услуг и из частного сектора — в государственный. Меня особенно поражает тот факт, что эти аргументы сконцентрированы только вокруг *улучшения результатов экономической деятельности*, при этом не уделяется особого внимания оплате труда.

Данное обстоятельство можно особенно ясно увидеть на примере Китая, экономика которого в настоящее время является по некоторым показателям крупнейшей. Нет сомнений в том, что Китай должен отказаться от дальнейших инвестиций в строительство громадных и неэффективных сталелитейных заводов и пустых жилых домов. В то же время, так или иначе, он должен сосредоточиться на рабочих и расширении их опыта работы. Именно этому были посвящены идеи экономистов от Адама Смита до Карла Маркса и Альфреда Маршалла.

С этим согласны не все. Когда дело доходит до опыта работы, многие — особенно в странах континентальной Европы — считают, что оптимальное распределение ресурсов (что также означает надежное функционирование институтов) в сочетании с инвестициями в образование — это все, что нужно. Ведь итальянцы, немцы и французы упорно трудятся на протяжении относительно небольшого числа часов в день, обеспечивая высокую производительность труда и заработную плату — выше, чем в Соединенных Штатах Америки и Великобритании.

Тем не менее жители стран континентальной Европы, похоже, не особенно довольны своей работой. Очевидные обстоятельства таковы: они предпочитают иметь как можно более продолжительный отпуск и быть меньше занятыми работой. И данные об удовлетворенности работой являются прямым тому доказательством: рабочие в континентальной Европе показывают самые низкие уровни удовлетворенности среди крупных западных стран.

И это неудивительно. Европейские компании, как правило, больше не создают новых стимулов и вызовов, которые бы привлекали работников. И если Китаю следует избегать европейской модели поиска эффективности, то какую модель ему следует принять?

В своей книге «*Массовое процветание*» (*Mass Flourishing*) я утверждаю, что правильной моделью является *хорошая экономика*, которая предлагает *хорошую жизнь*. Оптимальное распределение ресурсов (а эффективность является его составляющей) является *необходимым, но недостаточным* признаком хорошей экономики. Действительно, узконаправленный ориентир на повышение внутреннего потребления скорее всего отвлекает лидеров Китая от других направлений развития, необходимых для хорошей экономики.

По этому вопросу я отличаюсь от многих экономистов — в том числе от моих дорогих друзей Джозефа Стиглица, Жан-Поля Фитусси и Владимира Квинта, — для которых предпочтительным параметром является *качество жизни*. Под качеством жизни они подразумевают в основном достаточное потребление и достаточный досуг вместе с такими общественными благами, как чистый воздух, безопасное продовольствие, а также безопасность на улицах и такие гражданские удобства, как муниципальные парки и спортивные стадионы. Это — расширенная версия «совершенства», восходящего к глубокой древности. Я не против этих услуг или предоставления их государством; но они не укладываются в концепции философов о «хорошей жизни». Аристотель пошутил, что эти услуги нам нужны, чтобы на следующий день снова начать работать.

Другой мой дорогой друг, Амартия Сен, отмечает, что экономисты уделяют большое внимание потреблению в своих интересах, которые расходятся с интересами и потребностями людей.

¹ Эдмунд С. Фелпс — лауреат Нобелевской премии в области экономики 2006 г., директор Центра изучения капитализма и общества при Колумбийском университете.

² Перевод статьи “A Good Economy for China” (<https://www.project-syndicate.org/commentary/china-innovation-good-economy-by-edmund-s-phelps-2016-06>) сделан Богданом Квартенко.

Но далеко он не продвинулся. Люди не хотят заниматься деятельностью, в которой у них нет никакой свободы. Для хорошей жизни людям необходимо иметь в своей профессии «ученую степень». Они хотят иметь возможность брать на себя инициативу и заниматься работой, которая бы их привлекала. Люди нуждаются в свободе, чтобы выражать себя — высказывать свои мысли или демонстрировать свои таланты.

Иными словами, люди ценят достижения за счет собственных усилий. Я использовал слово «процветание» (от старого латинского *prosperare*, что означает «как хотелось бы или ожидали»), чтобы обратиться к собственному успеху в работе: удовлетворение ремесленника, чьи навыки ценят другие; удовлетворение торговца, когда он видит, как прибывают его корабли; или чувства студента от признания его достижений неким почетным профессором.

Люди также ценят личный рост, который складывается в процессе построения их карьеры. Я использую слово «процветание» (*flourishing*) — чувство, которое переживает человек, когда испытывает удовлетворение от путешествия в неизвестное — волнение в ожидании вызовов и интерес к преодолению препятствий. Безусловно, достижение процветания и расцвета относится к эмпирическому, а не материальному вознаграждению.

Какая экономика будет предлагать эту хорошую жизнь? История показывает, что находятся предприимчивые люди (отыскивающие незамеченные возможности и проявляющие инициативу, чтобы попробовать что-то новое) и *инновационные люди* (придумывающие новые вещи, разрабатывающие новые концепции в коммерческих продуктах и методах и продвигающие их потенциальной аудитории). Участников такой хорошей экономики можно найти везде — от простых людей до наиболее благополучных.

Я надеюсь, что Китай будет развивать экономику именно этого типа. Конечно, в трудные времена страна, возможно, не сразу позволит себе хорошую экономику; для начала ее людям будет нужен чистый воздух и безопасные продукты питания. Риск заключается в том, что для полного удовлетворения огромного спроса на общественные блага может потребоваться настолько большой государственный сектор, который вполне сможет вытеснить инновационную деятельность из частного сектора.

Китай должен иметь в виду, что частный сектор может вполне конкурировать или даже превосходить государственный в возможности предоставлять многие услуги, которые в настоящее время предоставляет только государственный сектор. Подземные железные дороги были когда-то созданием частных предпринимателей. Но сегодня самым радикальным шагом вперед в развитии городского транспорта является «Убер», а в ближайшем будущем, вероятно, предстоят такие серьезные изменения, как самоуправляемые автомобили? — все это изобретения частного сектора.

Конечно, некоторые циники утверждают, что китайцы не обладают ни утонченностью, ни темпераментом, чтобы быть новаторами. Тем не менее оценки местных инноваций в Китае и странах G7 показывают, что в 1990-е годы Китай занял в этом плане уже четвертое место; а в последующем десятилетии, когда Великобритания и Канада стали отставать, Китай поднялся на второе место — не очень далеко позади США.

В настоящее время в США создается гораздо меньше инноваций, чем когда-либо. И едва ли какие-то инновации появляются в Европе. Таким образом, Китай может стать основным источником инноваций для мировой экономики — равным или превосходящим Америку. На мой взгляд, это — неоценимая возможность для Китая. Развитие следует также приветствовать и в остальном мире.

Поступила в редакцию
27.07.2016 г.

A GOOD ECONOMY FOR CHINA

E. S. Phelps³

Received 27.07.2016

³ **Edmund S. Phelps** — the 2006 Nobel laureate in economics, Director of the Center on Capitalism and Society at Columbia University.